

Моск. комсомо. 1943, 14/X. 140 стр.

ЗРИТЕЛЬ — МОЙ ЕДИНОМЫШЛЕННИК

Какие же у него особые приметы? Ходит быстро, слегка ссутулившись — он высок. Подбородок висит острым клинышком. Вид совершенно независимый. К категоричным оценкам относится осторожно, даже отрицательно. Слова «гениальность», «гениально» произносятся только в сочетании с фамилиями Толстой и Достоевский. Не торопится с окончательными выводами. Но последующее поколение считает лучше предыдущего. Не любит помпезности. Ему стыдно за нее, в каких бы видах она ни проявлялась.

Вроде больше никаких особых примет.

Сам какой он актер? — Нормальный.

На экран он принес тип человека, которого мы «не знаем» в буквальном смысле слова. Рублев оставил несколько икон и строки в летописи. Доктор Сартorius может в будущем не появиться, архитектора Калмыкова и людей ему подобных мы только начинаем узнавать. Но независимо от «возраста» герои Солоницина современны.

Таким его нам представило кино. А как он сам к нему относится, часто ли он снимался и какое у него мнение о кинематографе?

— В кино хожу часто, причем, как правило, в один и тот же кинотеатр. И даже дружу с его директором. Когда у него идет какое-нибудь «Дикое сердце» — догадываюсь, что приближается конец квартала и у моего приятеля «горит» финансовый план.

Чему меня научило кино?.. После довоенного фильма «Горбун собора Парижской богородицы» с Чарльзом Лаутоном в главной роли мне очень не понравился цветной красивый фильм с Антони Куинном в главной роли. Это был «Собор Парижской богородицы». В картинах разный уровень актерской игры и режиссуры. Похоже, что много лет назад кинематографисты умели больше. Когда я бываю в Москве, то в свободное время стремлюсь попасть в «Иллюзион».

Кажется, первый раз зрители на него обратили внимание в фильме «В огне брода нет». Его комиссар говорил Тане Теткиной: «Приучай людей к страху — вред. А то потом поди разберись, где страх, а где правда...» Он-то и сказал эту фразу — «В огне брода нет!»

Роль у него была неглавная, и акцент делался не на ней, но комиссар Евсюков был в фильме своего рода формообразующим началом, он помогал людям разбираться не только в событиях, но и в самих себе...

— Может, это покажется странным, но я не стремлюсь раскладывать свои роли по полочкам и взвешивать, какая больше «тянет»... Я живу в той же комнате, встречаюсь с теми же людьми, у меня не изменились привычки. Мне интересна моя работа, и я работаю. Пашня предполагает пахаря.

Работать без провалов обязан каждый. Я видел Николая Симонова в посредственных спектаклях, но от этого он не переставал быть великим актером. Луи де Фюнес считается «коммерческим» актером, но уберите его из кадра, и фильм исчезнет. Конечно, есть роли, которые актер играет по недоразумению... Со мной это тоже бывает. Никто не застрахован от случайностей. В таких случаях я развлекаюсь тем, что разрисовываю узорам кухонные доски, на которых режут овощи. Их набралось уже достаточно.

— А поточнее?

— ...Больше десяти. Не считал.

— Несколько лет назад на экранах шел фильм «Один шанс из тысячи», где вы играли командира десантников. Там вам, судя по всему, требовалась только быстрота реакции, чтобы вовремя отскакивать от пуля...

— Да, но порой даже хочется похвастаться своей ловкостью. И вооб-

ще — я люблю вестерн. Один из моих самых любимых фильмов — «Семь самураев» Акиры Куросавы. И даже в сильно ухудшенной американской версии этого фильма — «Великолепная семерка» — можно найти несколько очень симпатичных эпизодов. Хотя, прикрой Юл Бриннер свою лысину шляпой, — просто будет нечего вспомнить. Мой капитан был без шляпы, и я не только стрелял...

Есть идеи, облеченные не в самую удачную форму. Но я всегда стараюсь «дотягивать» и средние роли. Но, конечно, лучше, когда тебе дают шедевр.

— Одни работают для будущего, другие для современности, третьи — для самих себя. Как вы относитесь к подобному распределению?

— Я работаю в театре, снимаюсь в кино... В театре режиссер выбирает пьесу, а я играю. В кино я выбираю

все. (Может быть, поэтому актеры так любят сниматься в кино?). В театре у нас нет дублей, и мы каждый день играем свой единственный кадр. Даже, если это не премьера.

По счету я — пятый партнер Алисы Фрейндлих в пьесе Л. Зорина «Варшавская мелодия». И почти на каждом спектакле я ловлю себя на том, что в какой-то момент из партнера превращаюсь в зрителя (и ничего с этим поделать не могу — актриса удивительная!). «Мои» зрители подобных признаний мне не делают, но, наверное, и я не безнадежен...

— Есть атрибуты, которые принято называть «признаками современного кинематографа»: ассоциативный монтаж, импульсивная камера, иногда говорят и о «болтливости» современных фильмов, их неумеренной многозначности...

— Можно придумать много разных форм и течений. Суть от этого не меняется. Можно заблудиться и в трех соснах аскетизма, и в дремучем лесу пышной фантазии. Но я люблю традиции.

Что нам дают традиции? Они оберегают личность от нивелирования. Мы стали очень уж одинаковыми. (Иногда мне кажется, что я не узнаю себя в зеркале!) Типовые проекты, типовые квартиры, типовые пельмени...

— Сыграно не так мало, — продолжает Солоницин. — Но все же думаю, что нужно играть одни только «великие» роли. Готов когда угодно сниматься в массовках...

На долю каждого выпадает много дел. Но какие из них остаются? И что нам оставило прошлое? Одному — подсвечник и письменный стол, другому то, что после станет будущим. Выбирает каждый сам. И умение выбирать многое говорит о человеке.

Человека волнуют идеи, а идеи без единомышленников — одуванчики. И каждый раз он хочет, чтобы зритель стал его единомышленником.

Беседу вели М. КАЗАКОВ
и Л. ИГУМНОВА.